

Latvijas Universitāte
Rusistikas Centrs

Rusistica Latviensis 5

Slavica – 2015:
filoloģijas pētījumi

Slavica – 2015:
филологические исследования

Людмила Спроге

Гонение на ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ: А. М. Ремизов в русских изданиях Риги (1922–1940 гг.)

Отделение русистики и славистики факультета гуманитарных наук
Латвийского университета
ls@lu.lv

*Ремизов для газеты – вред, но это –
замечательный стилист, и, следовательно, писатель.
(из письма П. Пильского¹ к М. Мильруду 1932 г.)*

Статья посвящена рецепции А. М. Ремизова в русских газетах и журналах Латвии 1920-х – 1940-х гг. Особый акцент сделан на неоднозначном восприятии творческой игры в ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ (Обезьяньей великой и Вольной палате) и на её проекциях в тексты эмигрантской поры писателя. В статьях Н. Бережанского (П. Щеглова), Ив. Лукаша и П. Пильского, в газетах «Вечернее время», «Слово», «Сегодня», в журнале «Перезвоны» содержатся малоизвестные в ремизоведении материалы, которые значительно восполняют палитру сложных отношений к личности и творчеству писателя.

Ключевые слова: газеты «Рижский курьер», «Вечернее время», «Время» (Берлин), «Слово», «Сегодня», журнал «Перезвоны», Алексей Ремизов, Николай Бережанский (П. Щеглов), Иван Лукаш, Петр Пильский, «Взвихренная Русь», «Обезвелволпал», «Николины притчи».

В русских изданиях Латвии А. М. Ремизов печатался нечасто. Об отношениях его с ведущей газетой «русской Риги» красноречиво свидетельствует обиженный тон письма к редактору «Сегодня» М. С. Мильруду о равнодушии редакции к его неоднократным просьбам посылать газету: «Я посылаю ответы на анкету², фотографические карточки и ничего не

¹ Об активной публицистической деятельности Пильского и Ремизова в 1918 г. см.: Грачева, А. (2000). К истории отношений Алексея Ремизова и Федора Сологуба. (Введение к теме). *Блоковский сборник XV: Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX-XX вв.* Тарту: ТУ. С. 177–179.

² Ремизов принял участие в четырех анкетах, проводимых «Сегодня»: Седых, А. (1928). Русские писатели на отдыхе. Анкета: Тэффи, Бунин, Зайцев, Осоргин, Ходасевич, Ремизов, Алданов». *Сегодня*. № 230. 26 августа. С. 4; Седых, А. (1930). Писатели о своих книгах – Алданов, Куприн, Осоргин, Ремизов, Шмелев. Их портреты. *Сегодня*. № 1. 1 января. С. 4; (1930). Что читать детям: Ремизов, Черный, Н. Городецкая. *Сегодня*. № 354. 23 декабря. С. 8; ТРБ = [Трубников, т. е. Пильский]

могу проверить – годится моё газете или зря пишу»³. Кроме ответов на анкеты, предложенные газетой, Ремизов публиковался в «Сегодня» лишь в 1922 году, когда сам проживал в Берлине, после неудач, постигших его в Ревеле⁴.

Во время «берлинского периода», в 1922 году, публикации писателя дважды появились в рижской газете: осенью, в конце октября на полосах «Сегодня» появились «Разумное дерево», «Конь и лев», «Вошь», а в рождественском номере вместе с произведениями М. Цветаевой, Вас. Немировича-Данченко, Тэффи, Саши Черного и др. вышли ремизовские «Святки», «Властелин», «Камушек»⁵. В последующие годы, когда

(1931). Как вы провели лето: Алданов, Бурцев, Зайцев, Ремизов, Осоргин, Нина Кошиц... *Сегодня*. № 241. 1 сентября. С. 8.

³ Письмо Ремизова Мильруду от 17.01.1931 В: Абызов, Юрий, Равдин, Борис, Флейшман, Лазарь. (1997). *Русская печать в Риге: Из истории газеты СЕГОДНЯ 1930-х годов. Книга II. Сквозь кризис*. Stanford. С. 248.

⁴ О скандале, связанном с сотрудничеством Ремизова и ревельского издательства «Библиофил» см.: Доценко, Сергей. (б. г.). А. М. Ремизов в Эстонии: начало эмиграции. *Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике*. Таллинн: Авенариус. Т. II. С. 171–196. Примечательно, что проанонсированный в сентябре 1921 г. газетой «Свободное слово» приезд четы Ремизовых в Ревель и далее – скандальная статья «Спекуляция на голоде» из эстонской «*Raevaleht*» – были сочувственно восприняты латышскими литераторами, давними друзьями русского писателя, один из которых, Викторс Эглитис, по горячим следам публикаций в ревельской прессе сразу же написал Ремизову, приглашая его на жительство в Ригу: «15 сент. 1921. Дорогой Алексей Михайлович! Слышу по газетам, что Вы с Серафимой Павловной в Ревеле, что Вашими материальными затруднениями воспользовалось какое-то книгоиздательство, чтобы Вас обобрать и т. д. И все более ярко воскресает в воспоминаниях Ваш милый, честный и такой глубокий, оригинальный поэтический облик. [...] Так мне хотелось бы Вас повидать вместе с Серафимой Павловной и Вашей дочерью. [...] Но – как бы это устроить? Я – видите ли – живу оседло в Риге, сотрудничаю в одной редакции, читаю историю современной латышской литературы в университете и издаю свои книги – томов 20. Так что, даже при теперешней дороговизне, кое-как обеспечен. Живу на квартире из шести комнат, а квартир в Риге большой недостаток и дороги они, так нельзя ли бы Вам предложить одну-две комнаты с общей кухней. [...] Мария Андреевна [жена В. Эглитиса – Л. С.] того же мнения, что, если Вам затруднительно в Ревеле и если дальше в Европу не думаете ехать, то может быть, поселитесь в Риге и у нас, пока Вам понравится, и это Вам ничего не будет стоить. [...] Всего нас пять человек – я все точно объясняю, чтоб Вы могли обдумать положение. Что же касается книгоиздательств русских и еврейских, то не знаю, найдете ли по Вашему вкусу. Но читать здесь лекции и Ваши сказки перевести и издать на латышском языке, думаю, можно было бы (наш обычный гонорар за лист (16 стр.) за три тысячи экземпляров 3000 латышских рублей. [...] Буду ждать письма».

⁵ (2001). *Газета «Сегодня» 1919–1940. Реприсуль*. Сост. Ю. Абызов. Рига: Латвийская нац. Библиотека. Ч. 1. 1919–1930. С. 60, 63.

осуществлялся рост и влияние «Сегодня», о самом писателе Ремизове писали больше⁶, чем публиковали его произведения на литературных полосах газеты. Последний анонс о русском писателе вышел в вечернем выпуске от 11 июня 1940 года за две недели до того, как газета прекратила свое существование. Редакционная статья под заголовком «В Париже после первой бомбардировки с воздуха. Ранены осколками стекла писатель А. М. Ремизов и его жена» констатировала: «Парижские газеты полны описаниями первой бомбардировки французской столицы германскими аэропланами. Когда тревога кончилась, парижане толпами устремились осматривать разрушения. [...] Вот улица, посреди которой образовалось некое подобие глубокого кратера: здесь упала бомба. [...] Из аптеки выходит человек с головой, залепленной пластырями, – рассказывает сотрудник «Последних Новостей», – это А. М. Ремизов, раненый осколками стекла. Легко ранена стеклом и его жена»⁷.

После публикаций в «Сегодня» в 1922 году Ремизов, спустя три года, по переезде из Берлина в Париж, начинает более активное сотрудничество с другими русскими изданиями Латвии: с газетами «Слово», «Новая нива», с журналами «Перезвоны», «Основы», «Новый огонек», «Юный читатель», «Для Вас». Ещё до выхода в свет в Париже своей знаковой книги «Взвихренная Русь» (1927) Ремизов публикует некоторые сюжеты будущей книги в начальных номерах ставшего выходить в Риге журнала «Перезвоны» (почти одновременно с публикацией в берлинских «Днях» в мартовском номере 1925 года)⁸, а через год печатает и заключительную главу книги «Неугасимые огни»⁹. Более проблематичной и «резонансной» оказалась публикация 1925 года, где неприятие «обезьяньих знаков» как фактора «новейшей», «незаслуженно вознесенной» литературы и литератора, пишущего о «гнилом ветре над страной теплокровных»

⁶ См.: Lolo. (1927). Братья-писатели: П. Пильский, Б. Пильняк, А. Плещеев, П. Потемкин, А. Ремизов. Эпиграмма. *Сегодня*. № 23. 30 января. С. 6; П. П-ский [Пильский] (1929). А. Ремизов. Московские любимые легенды. *Сегодня*. № 12. 12 января. С. 8; П. [Пильский] (1931). Келья А. М. Ремизова. *Сегодня*. № 185. 7 июля. С. 8; В. Г. [В. В. Гусев] (1940). Собрание литературных материалов о творчестве А. М. Ремизова на латгальском хуторе. *Сегодня*. № 67. 8 марта. С. 6. (Более подробно о публикации В. В. Гусева см.: Спроге, Л. (б. г.). А. М. Ремизов в Латвии: В. Дамбергс, В. Эглитс, В. Гусев, И. Павлов. *Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике*. Таллинн: Авенариус. С. 158–170).

⁷ Газета «Сегодня». *Роспись*. Ч. 2. 1931–1940. С. 346.

⁸ О публикациях в эмигрантской периодике отдельных фрагментов «Взвихренной Руси» и откликов на них рецензентов см.: Лавров, А. В. (2000). «Взвихренная Русь» Алексея Ремизова: символистский роман-коллаж. В: Ремизов, А. М. *Собр. соч.* Том 5. Взвихренная Русь. Москва: Русская книга. С. 573–574. Далее ссылки на тексты Ремизова даются по этому изданию с указанием тома и страниц после цитат.

⁹ *Перезвоны*, 1926, № 20.

(Ив. Лукаш), было уже подготовлено рядом публикаций бывшего соредактора «Сегодня», а в описываемый период влиятельного журналиста, формирующего литературные полосы сначала в «Вечернем Времени», а чуть позже в «Слове» и в «Перезвонах», а также сотрудника ряда берлинских изданий Николая Григорьевича Бережанского (наст. фамилия Козырев (1884–1935))¹⁰.

Неприятие эмблематичной «игры в обезьян» было характерной рецепцией и за пределами рижской прессы¹¹.

Ремизовский текст с пометой «из книги «Взвихренная Русь»» журнал «Перезвоны» поместил в 3-ем номере за 1925 год: это был четвертый фрагмент, озаглавленный «Рожь», из главы ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ, где речь идет об «обезьяньих знаках – не то эфиопских, не то глаголических – «донесение обезьяньего посла обезьяньей вельможе»»: «[...] спешу уведомить тебя, друг мой, что положение дел в великой белой империи страшно изменилось: все люди вышли из скотских загонов и объявили, что они человеки, но при этом они стали разбрасывать нечистоты на площадях и улицах, утверждая, что во всеобщем засорении заключается истинная свобода. [...] Нет, я никогда не унижусь до того, чтобы когда-нибудь захотеть стать человеком, как об этом мечтала моя бабушка, находившаяся в крепостном состоянии у бывшего барона фон-Пфифеганга в городе Штумбенбурге. Мы видим противоположное явление: наиболее почтенные из людей с удовольствием отказываются от своего человеческого достоинства и, переходя в наши ряды, становятся подданными великого Асыки. [...] Преимущества же обезьян, если взглянуть трезво, безусловно выше человеческих – Обезьянье свидетельство заменяет визы во все государства и дает бесконтрольный пропуск в леса, в поля, в болота и прочие трущобы всего земного шара. Дано сие свидетельство кавал. обеззн. (имя рек) в том, что он поименованный кавал. обеззн. имеет неограниченные права переходить, переезжать и перелетать все границы и через любые заставы, поставленные «свободолюбивыми» человеческими ячейками, и не связан никакими обязательствами

¹⁰ См. о журналисте Бережанском: Спроге, Л. (2015). Загадка старца Ф. К.: чей криптоним ЛК в рижской газете «Слово». *Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования*. Под ред. Манфреда Шрубы и Олега Коростылева. М.: НЛО. С. 180–181; 183–185. О Бережанском-фольклористе см.: Спроге, Л. (2007). О русском фольклоре в Латвии 1920–1940 гг.: Ив. Фридрих, Л. Зуров, Н. Бережанский, В. Синайский, Ив. Заволоко. *Fridriha lasijumi: Фридриховские чтения*. Сб. научных материалов и статей. Rīga: LU. С. 54–68.

¹¹ Более подробно об этом см.: Обатнина, Е. (1995). А. Ремизов. «Вонючая торжествующая обезьяна...» *Новое литературное обозрение*. № 11. С. 142–153; Обатнина, Е. (1996). Обезьянья Великая и Вольная Палата»: игра и ее парадигмы. *Новое литературное обозрение*. № 17. С. 185–305; Грачева, А. М. *Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950-е годы)*. СПб: изд-во «Пушкинский дом». С. 97–101.

и клятвами и никому ничего не должен – волен делать, что хочет, и думать, как взбредет в голову, храня хвост» (Т. 5. С. 223–224).

Новая русская газета, вышедшая в ноябре 1925 года и ставшая конкурентом «Сегодня» – «Слово» уже в первом номере публикует «Мои сны. Литературные»¹², где Ремизов представил серию «снов» о своих современниках, далеко не всегда разделявших со «сновидцем» этическую возможность их публикации¹³. О сновиденческих текстах Ремизова собран достаточно представительный ряд исследований¹⁴, где принципы «новой прозы» Ремизова в эмиграционный период рассматривались на широком фоне как художественного материала диаспоры, так и эмигрантской критики, однако, вне исследовательского внимания оказались любопытные рецензии, появившиеся в рижской периодике 1924–1927 годов.

Речь пойдет о характеристиках, данных современниками А. М. Ремизова, где креативный локус «Обезвелволпала» не только способствовал вовлечению близкого и далекого окружения писателя в игру, растянувшуюся на десятилетия¹⁵, но и создал мифологию негативного облика самого «Канцеляриста» и создателя «обезьяньего языка»¹⁶.

Т. В. Цивьян, отмечая отчетливую полярность представлений о личности Ремизова и его произведениях в среде первой русской эмиграции, приводит достаточно полный «компендиум» характеристик: каким Ремизова видят «свои», то есть, доброжелатели, друзья, и каким – «чужие», попросту говоря, недоброжелатели и откровенные враги. Причем оппозиция «свой / чужой» заявляла о себе и в рецепции «дружеского окружения»

¹² Ремизов, А. (1925). Мои сны литературные: Вячеслав Иванов, Сологуб, Савинков, Рерих, З. А. Венгерова, Жан Ронгю. (Под фотографией надпись: «Алексей Ремизов и его автограф»). Слово. Большая русская национально-демократическая газета. № 1. 11 ноября. С. 3.

¹³ Ср. с пассажем из мемуара В. Яновского: «[...] у Ремизова выработалась неприятная, на границе с шантажом практика: видеть важных персон – во сне! Причем он мог управлять этими грезами: одни являлись в лестной для него обстановке, а другие – в унижительной. И Ремизов опубликовывал эти сны с комментариями. Так что однажды Ходасевич даже раз был вынужден написать Ремизову: «Отныне я вам запрещаю видеть меня во сне!» (Яновский, В. (2000). Сочинения в 2 томах. М.: Гудьял-Пресс. Т. 1. Поля Елисейские. Книга памяти. С. 366.

¹⁴ Например: Цивьян, Т. В. (1993). О Ремизовской гипнологии и гипнографии. Серебряный век в России: Избранные страницы. М.: Радикс. С. 299–338; Обатнина, Е. (1999). А. М. Ремизов: Жизнетворчество entre chien et loup. Пограничное сознание. СПб. С. 397–424; Обатнина, Е. Творчество памяти: Мифологическое пространство художественной прозы Алексея Ремизова. В: Ремизов, А. М. Указ. изд. Т. 7. С. 476–501.

¹⁵ См. об этом: Обатнина, Е. (2001). Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах, Санкт-Петербург.

¹⁶ Вашкелевич, Х. (1992). Канцелярист обезьяньего царя Асыки Алексей Ремизов и его Обезвелволпал. К проблемам истории русской литературы XX века. Сборник статей, под редакцией Я. Шимах-Рейфер, Краков. С. 41–50.

(ср. приведенную Цивьян ситуацию защиты Ремизова Глебом Струве перед отцом: «О Ремизове ты судишь несправедливо [...] сам он вовсе не гниль, а очень милый человечек...»)¹⁷. Среди наиболее «зlostных» черт индивидуальной непривлекательности известного писателя заявлялись «фальшь», «претенциозность», «шантаж», «двусмысленность» писательского статуса, «зависть», «подлость», «безобразие» и облика, и духовного мира, и творческой сути¹⁸. Разумеется, в условиях диаспоры это не могло не появлять и на рецепцию творчества Ремизова, на «выпады» в критике и публицистике, особенно там, где это касалось сферы сохранения русского языка¹⁹ и преемственности традиции русской культуры.

В 1923 году в берлинском издательстве З. И. Гржебина выходит отдельным изданием книга А.М. Ремизова «Кукха. Розановы письма»²⁰, которая в исследовательской литературе определяется как «один из наиболее ярких

¹⁷ Цивьян, Т. (1997). Ремизов – «своими» и «чужими» глазами. *Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация. Материалы международного семинара*. Тарту. С. 115.

¹⁸ Кроме вышеуказанной статьи Т. В. Цивьян эти вопросы затрагивались и другими ремизоведами: Синявский, А. (1987). *Литературная маска Алексея Ремизова. Approaches to a Protean Writer*. Columbus, Ohio; Доценко, С. (2000). *Проблемы поэтики А. М. Ремизова: Автобиографизм как конструктивный принцип творчества*. Tallinn; Е. Обатнина, Е. (2008). *А. М. Ремизов: Личность и творческие практики писателя*. Москва; Грачева, А. (2010). *Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950)*. Санкт-Петербург.

¹⁹ Концептуальность этих вопросов в отношении ремизовского творчества разработана в статьях: Цивьян, Т. В. (1996). К стратегии сохранения русского языка в диаспоре: «Случай Ремизова». *Блоковский сборник. XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора*. Тарту; Цивьян, Т. В. (2001). Ремизов и его языковые эксперименты. *Семиотические путешествия*. Санкт-Петербург. Апеллируя к известным мемуарам Василия Яновского «Поля Елисейские», где приведены «поминутные упреки» русских зарубежных писателей друг к другу в незнании родного языка, исследовательница подробно останавливается на концепте «русского лада». В этой связи уместно будет привести еще один пассаж из того же мемуара, характеризующего значимость «природного слова», «духа языка» у Ремизова: «Все писатели, разумеется, не знают русского языка и берутся не за свое дело... Ремизов хватал очередную книжку «Современных записок», где тогда без перебора, из номера в номер печатался Сириин, и, читая вслух старательно подчеркнутую фразу, например, «От стихов она требовала ящик – не – гони – лошадиного...», возмущенно жаловался: – Вот давно избитое выражение «цыганщина», «романс» он заменяет строкой из пошлой песни и думает, что сострепал нечто новое! А все потому, что берутся не за свое дело» (Яновский, В. С. (2000). *Поля Елисейские. Сочинения*. В двух томах. Т. 2, Москва. С. 367).

²⁰ Об издательской истории «Кукхи» см. в «Комментариях»: Ремизов, А. М. Указ. соч. Т. 7. С. 523–563; Алексей Ремизов. *Кукха. Розановы письма*. Изд. подготовила Е. Р. Обатнина. Санкт-Петербург, 2011.

памятников ремизовского экспериментирования в прозе»²¹. В недавно переизданной «Кукхе» Е.Р. Обатнина в рубрике «Дополнения» собрала шесть рецензий на книгу Ремизова, в их числе оценки Б. Каменецкого, Эрга, Д. Лутохина, Б. Шлёцера, Саши Черного и Ю. Иваска. За исключением последнего автора с его более поздней публикацией в 1978 году, по преимуществу, отзывы на «книжонку» (Б. Шлёцер) негативные, что вносит свои штрихи в проблему рецепции «зарубежного Ремизова» с учетом такого обстоятельства. И тем не менее, несмотря на повышенное внимание к этому тексту со стороны ремизоведов и розановедов, из научного оборота выпущен весьма важный, как представляется, литературный факт.

В библиографических указателях Русского Зарубежья, а также в арсенале «ремизовских штудий»²² не учтена одна полемика рецензия, вышедшая в «периферийном» центре русского рассеяния – в рижской газете «Вечернее время»²³.

Это была первая «вечерняя» газета на русском языке в независимой Латвии. Газета возникла весной 1924 года после скандального процесса с газетой «Рижский курьер»; был в ее истории краткий период, когда она составила конкуренцию влиятельной газете «Сегодня», с которой враждовала в непродолжительный срок своего существования (март 1924 г. – ноябрь 1925 г.)²⁴.

Дело в том, что автором резко отрицательной рецензии на «Кукху» в частности и в целом на все писательское дело А. Ремизова, был Николай Бережанский. «Памфлет» на Ремизова объясним не столько иными взглядами на литературное творчество, этнографию и фольклор известного собирателя-фольклориста, автора руководства по сбору фольклорных материалов, но и во многом был продиктован атмосферой «журналистской войны», которую Бережанский вел со своими недругами из газеты «Сегодня»²⁵.

²¹ Флейшман, Л. (2006). Из комментариев к «Кукхе». Конкретор Обезвелволпала. *От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы*. Москва. С. 171.

²² Например, см.: Алексеев, А. Д. (1993). *Литература русского зарубежья. Книги 1917–1940. Материалы к библиографии*. Санкт-Петербург. С. 145; Ремизов, А. М. Указ. соч. Т. 7. Ахру. [Комментарии] С. 502–611.

²³ Ссылка на рецензию приведена в: Абызов, Ю. (1991). *Русское печатное слово в Латвии 1917–1944 гг. В четырех частях*. Био-библиографический справочник. Stanford. Ч. 3. С. 421.

²⁴ Информацию об этом издании см.: Абызов, Ю. (2006). *А издавалось это в Риге: 1918–1944. Историко-библиографический очерк*. Москва. С. 65–68; 86–87; Гусаров, М. (2006). *Рижская газета «Вечернее время» (1924–1932): Проблемы изучения*. *Studia Slavica V*. Таллинн. С. 18–24.

²⁵ Более подробно этот эпизод изложен в: Флейшман, Л., Абызов, Ю., Равдин, Б. (1997). *Русская печать в Риге: из истории газеты «Сегодня» 1930 гг. В пяти книгах*. Stanford. Кн. 1. С. 22–23; 29–30; 34–36; 40–44; 50–52.

В связи с трудной доступностью издания привожу полностью текст статьи.

«О злых обезьянах».²⁶

Их никто не читает, но о них говорят все. Их книги, едва выйдя в свет, загромаждают полки и подвалы книжных магазинов, но громоподобная критика превозносит нечитаемых авторов до степени гениев. Она превознесла бы и выше, если бы был изобретён подходящий термин. А читатель хлопал ушами, читая неистовую критику, и мысленно казнился своей ограниченностью и тупостью, не позволяющей ему проникнуться духом гениальных творений, жестоко расхваливаемых, но нечитаемых.

И так длилось годами. Годами критические басы и тенора, делая необыкновенно умное лицо, славословили осанной гениев и одновременно гвоздили по черепам «темного» читателя. Не перьями даже, а целыми кольями, обмокнутыми в чернила. Брали читателя, как лошадь, под узцы и заставляли его пить мутную воду. Всякое покушение на авторитет критиков, слагателей акафистов и непогрешимых бонз принималось как дерзость, за которую надлежало рвать ноздри, и загипнотизированные неистовыми похвалами, восхваляемые, но не читаемые писатели всерьез начали верить в свою гениальность и в право открыто, среди белого дня, говорить глупости и учинять словесный разврат. Вокруг нечитаемых образовалась какая-то литературная полиция, какая-то «священная дружина», тащившая и не пушавшая куда более свирепо, нежели облыжно изруганный Пришибеев.

В чаду какого-то дикого очумения Пришибеевы от критики не хотели замечать даже вопиющих преступлений против собственности, вроде знаменитых «заимствований» Ремизова, который умудрился на страницах десятков петербургских журналов протаскивать сказки Ончукова, слово в слово, строка в строку и точка в точку. А критики читали и приходили в дикий раж: «изумительное проникновение в тайны русского языка»! «гениальное прозрение духа русского народа»! «талантливейшая интерпретация»! «перлы слова»! И прочая и прочая со взвизгом наигранного восторга и коликами в желудке. Понадобился большой ушат ледяной воды, чтобы умерить этот искусственно наигранный жар и восторг. Автор, вернее, собиратель сказок, М. Ончуков, в течение шести лет изъездивший весь север и привезший воз сказок, изданный академией наук, заявил резкий протест против бесцеремонного использования его труда и приписывания славы Ремизову, имеющему о русском народе и его языке представление, не большее чем о каких-нибудь жителях Огненной Земли или Сандвичевых островов.

Вот после этого-то скандала и двухлетнего перерыва в работе, о котором глухо упоминает сам Ремизов в своих «Розановых письмах», и началась его «эра» обезьяньего языка. Безбожное искалечение и растление русского языка, выверты, неумное сочинительство псевдо-народных слов, претенциозная отсебятина с каллиграфическим чистописанием и типографскими

²⁶ Бережанский, Н. (1924). О злых обезьянах. *Вечернее время*. № 211. 22 ноября. С. 2.

фокусами и штучками снова ободрили притихшую было критику, и снова заиграли критические тромбоны. Критики делали вид, что они прекрасно разбираются и понимают язык обезьян и находили его прекрасным. Восторгались обезьяньим языком и не видели и не замечали действительно гениальных знатоков и мастеров русской народной речи вроде Мельникова-Печерского, Писемского и Лескова. Эти имена могли бы в любой культурной стране составить предмет литературного культа, а у нас на их долю досталась лишь брань и дешевое зубоскальство, потому что эти кряжистые дубы русской литературы были неблагонадежны по части левизны и стояли в натянутых отношениях с либералами.

И это критическое распутство чудесным образом сохранилось и до наших дней. Пало великое государство, умерла трехсотлетняя династия, рухнул весь русский быт, но удивительным образом сохранилось кумовство «мощи» и «имена», не только в политике, но и в литературе. Эти обанкротившиеся дирижеры общественности и на чужой земле завели свои волюнки и раздают награды, пальмы и дипломы «паинькам» и бичи и скорпионы «бунтовщикам», уподобляясь кобургскому императору Кирилу, раздающему звания и должности камергеров и шталмейстеров – клике и угрозы будущей петлей – непокорным. К счастью, кажется, «счастливые дни Аранжуэца» проходят. Опекаемые, направляемые и руководимые держат проявлять собственное критическое мнение на явления и предметы, к которым до сих пор позволялось подходить только с босыми ногами и склоненной головой.

В этом отношении чрезвычайно симптоматично появление статьи А. Черного «Передоновщина», напечатанной в № 166 «Русской газеты». Это не шаблонная статья критика, это искренний вопль честного читателя, которому надоело очковитительство и который с негодованием закричал «карау!» «обман!» Дело здесь не в одном только Ремизове, которому посвящена эта талантливая и темпераментная статья, это протест против всех «принцев обезьяньей крови», против «комитетов взаимных одолжений», против «литавр дружеских рецензий и круговой поруки». Протест против превращения русского языка в язык для обезьян, против «обложечного, плакатного крика», литературного шаманства, против «тарарабумбии», которую нам все еще хотят вручить под именем русской словесности. А. Черному «отвратительно до тошноты» видеть это беснование, ему гадок ремизовский «стилишко с типографско-ухищренной разбивочкой строк, со словесными загогулинами и всяким непристойным уродством». Литература – не обезьянья палата, читатель вниз головой не раскачивается на хвосте и «словесный визг», преподносимый на чужбине под видом «прекрасного идеального русского языка» – слишком дорогое удовольствие для 2 миллионов эмигрантов, уже забывающих русскую речь.

Надо горячо приветствовать этот честный протест, этот первый крик негодования против критического и литературного шарлатанства. Довольно морочить голову! К черту обезьян и их нянек!...

- Стыдно! – кричит А. Черный».

Статья Бережанского строится на парафразах текста Саши Черного «Передоновщина», опубликованного в парижской «Русской газете» от 6 ноября 1924 года, № 166. Спустя две недели под влиянием этой публикации появляется резкая рецензия в «Вечернем времени», о которой можно говорить лишь с учетом «претекста» Черного. Несколько злободневных тем становятся «маяками» и «переключками» двух рецензий – от чеховского «слоя» (унтер Пришибеев, тарарабумбия и др.) до «литературной полиции», некой «священной дружины», восторгающихся «обезьяньим языком» и требующих того же от «двух миллионов эмигрантов». Н. Бережанский в своей рецензии идет дальше, затрагивая болезненное для Ремизова недоразумение из его литературной биографии – упрекая его в плагиате²⁷ и «обманном» литературном статусе.

Н. Бережанский в 1922 году, сотрудничая в «Рижском курьере», был также берлинским корреспондентом и опубликовал в Риге несколько «берлинских» материалов, в частности, и о русских писателях²⁸ и нигде не упоминает о Ремизове. Вместе с тем свою рецензию, написанную в унисон с Сашей Черным, он через год вновь опубликует под псевдонимом П. Щеглов²⁹ под скорректированным заголовком «Об обезьяньей литературе» в берлинской газете «Время» (№ 354) от 20 июля 1925 года³⁰. Смысловый формат статьи отличается от рецензии в «Вечернем времени»: убираются обвинения «о вопиющем преступлении против собственности», о «знаменитых заимствованиях Ремизова», само имя писателя стоит в окружении «мудреных писателей – Белого, Пастернака, Пильняка», чьи «красот и очарований» не понимает читатель, – тем самым статья получается не выпадом против одного Ремизова, что особо оговаривается автором статьи («дело здесь было, конечно, не в одном Ремизове»), а «в протесте

²⁷ Среди исследований этой темы см.: Данилевский, А. *A realioribus ad realia. Ученые записки Тартуского университета*. Тарту. Вып. 781. С. 99–106; [Комментарий И. Ф. Даниловой к «Крестовым сестрам»]. Ремизов, А. М. Указ соч. Т. 4. С. 481–498.

²⁸ «А пока Берлин усиленно пополняется новыми эмигрантскими кадрами из Парижа. Уже приехали Яблоновский, Куприн, Гребенщиков, Василевский, ожидают Тэффи и др. Потому что все-таки Берлин город дешевый, не в той пропорции, разумеется, как это утверждают рижане, но сравнительно с Ригой, он кажется щедрым и не жадным дядей». (Бережанский, Н. (1922). Берлинские письма. *Рижский курьер*. № 357. 7 марта. С. 2.) или о берлинском «Доме искусств» с упоминанием А. Белого и А. Кусикова. (Бережанский, Н. (1922). Дом искусств. *Рижский курьер*. № 385. 10 апреля. С. 2).

²⁹ Приношу благодарность Лазарю Флейшману за оказанную помощь в атрибуции одного из псевдонимов Н. Г. Бережанского.

³⁰ Републикацию этой статьи см.: Обатнина, Е. (2001). *Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах*. СПб: изд-во Ивана Лимбаха. С. 297–298.

против всех «принцев обезьяньей крови», против «комитетов взаимных одолжений» (А. Яблоновский), против дружеских литавр и круговой поруки, против превращения русского языка в «язык горилл и мартьшек», против безбожного искачения русского языка, вывертов, неумного сочинительства «новых» слов, против претенциозной отсебятины с каллиграфическим чистописанием и типографскими штучками, вроде размещения двух-трех букв на паре страниц»³¹.

Несмотря на резкую критику Бережанского, в дальнейшем публикации произведений Ремизова и позитивных материалов о нем и его творчестве на страницах тех изданий, которые редактировал Бережанский («Слово», «Перезвоны», «Новый голос»), не были просвечены той литературной неприязнью, что исходила от рецензии в «Вечернем времени», но вместе с тем другой соредактор изданий концерна «Саламандры» И. С. Лукаш откликнулся развернутой рецензией «Мышиная Россия. О книге А. М. Ремизова «Взвихренная Русь»»³². Историческая проблематика «Взвихренной Руси», как и сам концепт «вихря» был близок творческой палитре Лукаша (ср.: заглавия его произведений о судьбе России – «Метель», «Снег», «Вьюга»). Газета «Слово» оказалась «площадкой» для не последовавшего диалога между двумя писателями, один из которых после публикации своего суждения о творчестве «самого «хитрого» из русских писателей» вскоре стал, как и Ремизов, «русским литератором во Франции», сотрудником газеты «Возрождения»³³. Лукаш сначала отметил, что отрывки из «замечательной и во всем особенной книги» печатались в журнале «Перезвоны» еще до того, как складывались части в целое произведение, а затем начал рецензию с окончательного «приговора» опуса «редкого писателя-метеора, чортушки литературы российской, Асыки – обезьяньего царя, окликанного и жалостного полуюродивого»: «И по изданию, и по объему – 534 стр. [аницы] книгу Ремизова надобно признать самой замечательной среди книг большой литературы. [...] – вот, думал я, всё ждал крепкая рука мастера. И вот книга его, как дымное солнце в капле вод... И перечитывал я книгу А. М. Ремизова, и думал над нею. И должен сказать: – нет, это не так. Именно взвихренной Руси – вовсе нет в этой особенной, во всем своеобразной книге, «ремизовской» до последнего типографского знака. [...] Нет, не тяжкий *вихорь*, не метание ветра, не гроза грозная, а какой-то тепленький ветерок из щели [...] – этакая смесь восстаний и колбасы, тортов и шаманских завываний, нелепых снов – бракадабры, как называет их сам Ремизов (мне еще снились сны – и над моей бракадаброй), слов простых, человеческих, трогательных до дуновения

³¹ Там же, С. 298.

³² А. В. Лавров в своих комментариях упомянул эту публикацию в газете «Слово», не раскрывая ее содержательного пафоса. См.: Ремизов, А. М. Указ. соч. Т. 5. С. 574.

³³ См. публикацию: Лукаш, Ив. (1927). «А у нас в Медоне...» *Слово*. № 507. 16 мая. С. 3.

слез («Белое сердце») и долгой, с завитушками, с усмешками, выписанной повести о том, как с чердака дома на Васильевском Острове, по весне, двинулись по лестнице вниз отмерзлые под первым теплом ... потоки нечистот человеческих. [...] Туманное пятно – книга Ремизова. [...] Но все взметенное, весь вихрь русский, на поверку – только тепленький ветер. А гром Божий над Русью – только мышинный визг из щели. [...] Мышинные души, мышинная Россия, жалкая, тепленькая, дрожащая. Со слепыми детенышами в шерстке – вот «взвихренная Русь» Ремизова, – гнилой ветер над страной теплокровных. Мышиную Россию, а над нею ветер гнилой, вот какую правду тяжкую открывает нам Ремизов во всей этой взвихренной Руси. [...] Так под всей раскачкой русского вихря, учуял Ремизов ветер гнилой, визг мышинный, а за тем гнилым ветром – воздух железной России и железных российских людей, которые могут все. В этом, по-моему, и заключается внутренний образ новой и замечательной книги Ремизова, ... кого едва поймешь, любишь так странно и так горько со всей его «абракадаброй», паучьими шорохами-ворохами и прочей – по слову Достоевского, – нечистью банной...»³⁴

По существу приведенные рецензии были, пожалуй, самыми эмоционально яркими откликами рижских журналистов на творчество Ремизова и его личностного восприятия в контексте рижских периодических изданий. Характерно, что в последующих рецензиях П. Пильского (опубликованных в газете «Сегодня» в постоянной рубрике *КНИГА*) на «легендарные» сюжеты издаваемых книг писателя³⁵, настаивалось на особой «одиночности» писателя и его «одиночествующих темах»: «Во всем, что пишет он, есть некая ископаемость. А. М. Ремизова нельзя просто читать: его надо любить (тогда – понимание) или не любить, чуждаться, ощущать его тяжеловатость, – в конце концов, ничего в нем не понимать. К этому писателю нужно привыкнуть, – тогда он сразу становится интересным»³⁶.

Тем не менее «интерес» к Ремизову не был актуализирован ни Пильским – мемуаристом³⁷, ни Пильским – автором неизданных книг о русских писателях³⁸.

³⁴ Лукаш, И. (1927). Мышинная Россия. О книге Ремизова «Взвихренная Русь». Слово. № 619. 10 сентября. С. 3.

³⁵ П. П-ский [Пильский]. (1929). А. Ремизов. Московские любимые легенды. Сегодня. № 12. 11 января. С. 8.

³⁶ П. [Пильский]. (1931). Келья Ремизова. (Алексей Ремизов. Образ Николая Чудотворца. Алатырь – камень русской веры. УМСА Пресс. Париж, 1931). Сегодня. № 185. 7 июля. С. 8.

³⁷ См. несобранные мемуары, опубликованные Ю. И. Абызовым: Пильский, П. ([1999]). Литературные края. Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига: Даугава. Вып. IV. (С. 236–388) и Вып. V (С. 241–386).

³⁸ О попытках Е. С. Кузнецовой, вдовы П. М. Пильского, опубликовать «статьи мужа для его критической книги о Шмелеве, Куприне, Бунине, Мережковском» см.: Абызов, Ю. И. (1995). Осколки разбитого прошлого. Даугава. Рига. № 3. С. 147–160.

Ремизов для Пильского, как и для большинства рижских литераторов, стал знаком эмигрантской судьбы и вдохновителем литературных «чужачеств».

"OBEZVELVOLPAL" vajāšana: Aleksejs Remizovs Rīgas krievu izdevumos (1922–1940)

Raksts veltīts Alekseja Remizova daiļrades un personības recepcijai Latvijas krievu avīzēs un žurnālos (1920–1940). Īpaša uzmanība ir veltīta pretrunīgi uztvertajai radošajai spēlei "OBEZVELVOLPAL" ("Mērķaķu dižā un Brīvā palāta") – «ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ» («Обезьянья великая и Вольная палата») un tās projekcijai rakstnieka emigrācijas laika tekstos. Nikolaja Berežanska (P. Ščeglova), Ivana Lukaša un Pjotra Piļska rakstos avīzēs "Večerņeje vremja" («Вечернее время»), "Slovo" («Слово»), "Segodņa" («Сегодня») un žurnālā "Perezvoni" («Перезвоны») atrodami maz pētīti materiāli par A. Remizovu, kas ievērojami papildina informāciju par atšķirīgo attieksmi pret rakstnieka personību un viņa daiļradi.

Atslēgvārdi: avīzes "Rižskij kurjer", "Večerņeje vremja", "Vremja" (Berlīne), "Slovo", "Segodņa", žurnāls "Perezvoni", Aleksejs Remizovs, Nikolajs Berežinskis (P. Ščeglovs), Ivans Lukašs, Pjotrs Piļskis, "Vzvihrennaja Rus", "Obezvelvolpal", "Nikolīni pritchi".

Persecutions of "Obezvelvolpal": A. M. Remizov in the Russian Editions of Riga (1922–1940)

The article is devoted to the reception of A. M. Remizov in the Russian newspapers and magazines of Latvia in the 1920-s – 1940s. The special attention is paid to the ambiguous perception of the artistic game "Obezvelvolpal" ("The Monkeys' Great and Unrestricted Chamber"), as well as to its projection into the emigrant texts of the writer. The articles of N. Berezhansky (P. Scheglov), Iv. Lukash and P. Pilsky in the newspapers "Veчернее время" ("Evening Time"), "Slovo" ("Word"), "Segodnya" ("Today"), in the magazine "Perezvoni" ("Chimes") contain not widely known materials about Remizov. These materials help to clarify the complicated attitudes towards the personality and works of the writer.

Key words: Newspapers "Rizhsky kuryer" ("Riga's Courier"), "Večereе время" ("Evening Time"), "Vremya" ("Time"; Berlin), "Slovo" ("Word"), "Segodnya" ("Today"), the magazine "Perezvoni" ("Chimes"), Aleksey Remizov, N. Berezhansky (P. Scheglov), Ivan Lukash, Peter Pilsky, "Whirlwind Russia", "Obezvelvolpal", "Nikoliny pritchi".